

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УРО РАН
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
Отделение Российского исторического общества в Республике Коми

В.В. Фаузер, И.Л. Жеребцов

**КОЛОНИЗАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ:
РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТЫ**

*Серия «Библиотека демографа»
Выпуск 23*

Сыктывкар
2023

В.В. Фаузер, И.Л. Жеребцов. Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты. – Сыктывкар, 2023. – 36 с. (Б-ка демографа; Вып. 23).

Работа посвящена колонизации Коми края в разные исторические периоды: от средневековья до конца 1950-х гг. Приводится богатый статистический материал по данным Национального архива Республики Коми и итогам российских переписей населения. Значительное внимание уделено спецколонизации / принудительной миграции 1930–1950-х гг. В научный оборот вводится информация о роли отдельных этносов в формировании населения республики. Структура демографических компонент показывает, что временем завершения колонизации Республики Коми можно считать 1950-е гг., когда определяющим фактором демографической динамики стал естественный прирост населения.

Представляет интерес для аспирантов, магистрантов, студентов и ученых в области исторической демографии, экономики народонаселения и демографии, экономики и социологии труда, региональной экономики.

Работа подготовлена к X Международному форуму историков-казоведов (10–13 октября 2023 г., г. Ростов-на-Дону).

Ответственный редактор

д-р экон. наук, проф. **Л.Л. Рыбаковский**

Рецензенты:

д-р экон. наук, доцент **В.Г. Логинов**, заведующий сектором
регионального природопользования и геоэкологии Института экономики
Уральского отделения РАН

д-р истор. наук, проф. **В.И. Меньковский**, профессор Белорусского
государственного университета

© В.В. Фаузер, 2023

© И.Л. Жеребцов, 2023

© ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023

*«История России есть история страны,
которая колонизируется»
В.О. Ключевский*

Введение

22 августа 2021 г. Республика Коми отметила 100 лет своей государственности. Своеобразна история становления государственности народа коми. В начале XX века этническая территория коми входила в состав Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской и Северо-Двинской губерний. 22 августа 1921 г. Президиум ВЦИК принял декрет «Об образовании автономной области Коми». 5 декабря 1936 г. область была переименована в Коми АССР, 23 ноября 1990 г. – в Коми ССР, 26 мая 1992 г. преобразована в Республику Коми. Процесс национально-государственного строительства первых советских десятилетий в Коми автономии изобилует драматическими моментами и достаточно подробно охарактеризован в серии работ историков А.Ф. Сметанина, О.Ю. Кузивановой, И.Л. Жеребцова, М.В. Таскаева и др. [17–19; 31; 35; 44; 45; 75; 107].

Территория республики простирается от Северных Увалов на юге до Пай-Хоя на северо-востоке (между 59°12' и 68°25' северной широты), от Пинежного-Мезенского междуречья на западе до водораздела бассейнов рек Печоры и Оби, проходящего по Уральскому хребту на востоке (между 45°25' и 66°10' восточной долготы). Географический центр Республики Коми находится в точке пересечения 63°53' северной широты и меридиана 54°16' восточной долготы недалеко от поселка Вис Сосногорского района. Республика находится в субарктическом и умеренном климатических поясах. На большей части территории климат умеренно-континентальный с продолжительной зимой и коротким прохладным летом. На крайнем севере и северо-востоке (за Полярным кругом и в горах Полярного Урала) господствует суровый субарктический климат [84].

Республика входит в Северо-Западный федеральный округ, расположена на Европейском Севере; активное хозяйственное освоение началось в 1930–1940-е гг. Экономический интерес государства к Коми автономии был обусловлен рядом причин. Во-первых, регион имел выгодное расположение по отношению к экономически развитым районам страны. Во-вторых, он был богат лесными ресурсами, представляющими большую ценность как источник валютных поступлений. Проводимая в стране индустриализация также требовала большого количества лесоматериалов. Это способствовало развитию лесозаготовок, но тормозило развитие лесоперерабатывающей промышленности [49; 69; 96].

Как и любая территория, находящаяся на периферии Российской империи и не имеющая «активного хозяина», Коми край был местом имперских

притязаний для колонизации. В этой связи объектом исследования выступает история колонизации Республики Коми, предметом – выявление роли отдельных этносов, в том числе кавказских народов России в заселении Коми края в разные исторические периоды.

Колонизация Коми края и Европейского Северо-Востока в целом хотя и привлекала определенное внимание российских ученых и местных краеведов и начинающих исследователей еще в XIX – первой трети XX в. [10; 12; 37; 41; 47], но, несмотря на очевидную научную и общественную значимость этой проблематики [30], не получила столь широкого освещения в российской научной литературе, как колонизация Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем имеется ряд обстоятельных публикаций, в которых подробно рассмотрена история колонизации этого обширного региона (см., напр., разделы «Начальный этап древнерусской колонизации» и «Стихийная крестьянская колонизация» 4-й главы I тома «История Коми»), а также другие работы [13; 29; 33; 34; 39; 40; 52; 59; 64; 67; 68; 74; 87–92; 102].

Описывая прошлое и настоящее Республики Коми, вольно или невольно используешь слово «Север» в разных его сочетаниях. Этнографы, историки, публицисты и краеведы в начале XX в. часто употребляли понятие «Русский Север», имея в виду Архангельскую губернию XIX – начала XX в. С 1917 г. и почти до конца XX в. им не пользовались, а с конца XX в. вновь начали употреблять. Можно встретить и такие понятия, как «Северный район», «Северный край», «Крайний Север», но каждый – применительно к своему времени. Лишь понятие «Север» использовалось как универсальное [54; 98–101; 107; 108]. Можно встретить и такие словосочетания, как «Великий Север», «Печорский Север», «Сибирский Север», «Средний Север», «Южный Север», «Глобальный Север» и ряд других [86, с. 58–59; 95]. Демографы используют также словосочетание «российский Север», когда речь идет о 13 регионах, территории которых входят в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей полностью, и «Север России», когда рассматриваются все 24 северных субъекта РФ, из которых 11 входят в перечень – частично [57; 97, с. 65].

К числу ученых, посвятивших этой проблеме достаточно много внимания, можно отнести В.П. Воцинина, Г.М. Иванову, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, В.И. Коротаева, М.К. Любавского, Д. Манко, Б.Н. Миროнова, П. Поляна, А.В. Ремнева, Л.Л. Рыбаковского, С.М. Соловьева, Н.Г. Суворову, Е.В. Тарле, А. Эткинду, Н.М. Ядринцева, И.Л. Ямзина и др.

Информационной базой исследования стали архивные данные Национального архива Республики Коми, материалы российских переписей населения.

Авторы признательны Назару Журавлеву, Андрею Смирнову и Галине Фаузер за помощь в подготовке рукописи к печати.

*«Колониальная политика и империализм –
вовсе не болезненные, исцелимые, уклонения капитализма,
а неизбежное следствие самых основ капитализма».*
В.И. Ленин

1. Колонизация: общие вопросы и терминология

Обращаясь к теме «колонизации», отметим, что в данной работе авторы используют понятия «внутренняя колонизация» (колонизация, заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель страны), и «внешняя колонизация» (основание поселений за её пределами). Со времени Великих географических открытий западноевропейская колонизация других регионов мира (Азии, Африки, Америки, Австралии) сопровождалась насильственным подчинением местного населения. С конца XVI в. началось освоение россиянами Сибири и Дальнего Востока. В XVI–XVII вв. заселялись южные районы Европейской России, в XVIII в. – Северное Причерноморье. Переселенчество из центральных районов Европейской России в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток, Северный Кавказ усилилось в начале XX в. [71, с. 709].

Колонизация осуществляется через переселенческую политику, административное управление, миссионерскую деятельность и т.д. В результате колонизации происходят распространение в колонии культуры метрополии и интеграция колонизируемой территории и её населения в общегосударственное пространство или в пространство колониальной империи. Колонизация приводит к разнообразным этническим процессам (*сепарации, метисации, ассимиляции и т.д.*). В районах колонизации могут также формироваться новая культура и идентичность, что приводит со временем к обособлению от метрополий, возникновению самостоятельных политических образований [6, с. 381].

Политика царской России по присоединению Севера, Сибири и Дальнего Востока носила колониальный характер. Следует отметить, что скандинавские страны, США и Канада также стремились использовать северные территории, не учитывая интересов коренных жителей. Практически повсеместно на Севере насаждалась христианская религия, подменявшая исторически сложившиеся традиции и обряды; благодаря школьному образованию и другим мерам широко распространялся государственный язык, с каждым годом снижая долю говоривших на языке предков.

Колониальная политика преследовала обычные для своего времени цели: расширение территории, пополнение казны за счет развития пушного промысла, горнодобывающей и лесной промышленности, поиск морских путей в Японию, Корею и Китай. Обычной была и политика в отношении

аборигенных народов, которая означала для них принятие ясных и иных повинностей [3, с. 12].

Колонизация и колониализм зародились в недрах феодализма, когда начинает зарождаться капиталистический уклад, который не только несет с собой более утонченную эксплуатацию, но и ведет к новым, невиданным по масштабам захватам чужих земель, к их варварской эксплуатации и беспощадному истреблению населения. С самого появления капитализму сопутствуют войны и колониальное ограбление целых народов.

Колониализм, система политического, экономического, и духовного порабощения империалистическими государствами народов колоний, и зависимых стран. Колониальная система сложилась к XX в. с переходом капитализма в монополистическую стадию и завершением территориального раздела мира между крупнейшими империалистическими державами.

Колониализму присущи наиболее жестокие формы капиталистической эксплуатации в сочетании с широким использованием внеэкономического принуждения к труду. Неотъемлемыми чертами колониализма были абсолютное ухудшение положения коренного населения, подавление национальной культуры, насильственные переселения, сохранение традиционного типа воспроизводства населения (высокие смертность и рождаемость) [7, с. 194].

Во второй половине XX в. начался обратный процесс – возвращение в метрополию репатриантов – деколонизация. В определенные моменты она может носить существенный и даже напряжённый для страны возвращения характер. Так, деколонизация вызвала приезд во Францию с 1956 г. более 1,5 млн репатриантов, включая возвращение в 1962 г. из Алжира 650 тыс. чел. [6, с. 381].

О терминологии и подходах к колонизации. Применительно к территории Севера, Сибири и Дальнего Востока использовались разные «термины» к оценке их заселения и вовлечения в хозяйственные связи с «метрополией». Например, «заселение северных и арктических территорий с позиции описательно-исторического подхода происходило в форме *колонизации*. Помимо экономического значения, переселения и колонизация оказали влияние на культуру народов. Колонизация Европейского Севера начинается с X–XII вв. с проникновением славян на слабозаселенные земли с финно-угорским населением (карелы, коми, ненцы, вепсы, саамы) и по ряду исторических источников заканчивается в XVII в. с вхождением Севера в Московское государство» [93, с. 166–167]. Однако если использовать демографический подход Л.Л. Рыбаковского, то получается, что это произошло намного позже – в XX в.

Второй терминологический подход применил академик А.П. Окладников. Он использовал термин «открытие Сибири». То есть Сибирь не ко-

лонизировали, а открывали. История Сибири, следовательно, есть история не только колоссальных ее пространств и их освоения, но и всего этого разноязычного и разнокультурного множества племен и народов. А вместе с тем история их сложных связей и отношений с народами не только соседних, но нередко и весьма отдаленных стран Востока и Запада [65, с. 6].

Важно также отметить, что история Сибири описывалась не как история народов, ее населяющих, а как история освоения земель российским государством. Но удаленность от центра способствовала тому, что на этих землях возникла «другая» Россия, с разнородным этноконфессиональным составом населения, свободная от крепостного права и черты оседлости. Сильное влияние на культуру не только коренного населения, но и переселенцев оказывали шаманизм, буддизм (влияние которого возросло в конце XIX столетия) и ислам. Значительную роль в колонизации сибирских земель и Дальнего Востока играло православие. На миссионеров, кроме христианской проповеди, возлагалась задача русификации местного населения и воспитания в нем верноподданнических чувств [2, с. 3].

В третьем случае, когда речь заходит о походах Ермака, когда его дружина, ведомая проводниками-коми [27], перешагнула Каменный Пояс (Уральский хребет) и двинулась на восток, к Иртышу, то эти события описывают, как «покорение (присоединении) Сибири» [65, с. 16].

Несмотря на относительную мирность российского процесса заселения окраинных территорий, следует отметить, что присоединение Сибири и Дальнего Востока к России встречало сопротивление местных жителей и происходило на фоне ожесточенных боев коренных народов с русскими казаками. Военные столкновения происходили и в Коми крае, но связаны они были с несколько иными процессами. «В XV в. население Коми края оказалось вовлечено в кровопролитные междоусобные столкновения, разгоревшиеся между Новгородом и Москвой за гегемонию на Севере Руси; во вражду между различными кланами рода Рюриковичей, претендовавших на великокняжеский престол; в борьбу между центральной московской властью и стремившимися к самостоятельности регионами. Кроме того, в силу сохранявшегося пограничного положения Коми края его жители не могли избежать участия в военных столкновениях между Московским княжеством и его зауральскими соседями» [52, с. 62, 67].

О важности включения северных территорий в Московское государство писал русский историк, ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук С.М. Соловьев. Он отмечал, что характер явлений, которые мы видели на севере, обуславливался также самим характером народонаселения северного. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего как телесную, так и умственную; пробужденный раз вспышкой страсти, он

может оказать чудеса, но такое напряжение сил не бывает продолжительно. Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию народы окружные, отличающиеся другим характером; таково народонаселение Северной Руси, как оно является в истории. Несмотря на то, что Юго-Западная Русь, преимущественно Киевская область, была главною сценою древней нашей истории, пограничность ее, близость к полю, или степи, жилищу варварских кочевых народов, делали ее неспособною стать государственным ядром для России; отсюда Киевская область в начале и после носит характер пограничного военного поселения до полного государственного развития, начавшегося в Северной Руси [76, с. 188].

В четвертом подходе, когда речь идет о XX в. стал использоваться новый термин – «спецколонизация». В конце 1920-х гг. разрабатывался план принудительной колонизации Севера и Дальнего Востока. В рассекреченных в середине 1990-х гг. архивных материалах принудительной колонизации соответствует официальный термин «спецколонизация». В частности, этот термин зафиксирован в наименовании постановления СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях», обязывающем «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах». Под специальной колонизацией недвусмысленно понимается принудительная колонизация спецпереселенцев и заключенных. Значит, колонизация окраин СССР – это воздействие государства на часть населения с целью направить миграционные «потoki» в нужном направлении: в 1920-х гг. – в основном административно-хозяйственными методами, с конца 1920-х гг. – дополняя репрессивными методами [54].

Общие черты и особенности русской колонизации. География колониального движения выглядит следующим образом. «В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно средством *колонизации*; господствующее племя славянское выводит поселения свои все далее и далее в глубь востока. Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени – славянскому – сухим путем. Мы

видим с самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о населении пустынных пространств, о построении городов; сперва населялись страны юго-западные, потом колонизация шла далее на северо-восток» [76, с. 186].

Объединяет русскую и западноевропейскую колонизацию то, что первыми на колонизируемые территории приходили вооруженные люди. Однако на захваченных западноевропейскими колониальными державами территориях проживали сотни тысяч и даже миллионы коренных обитателей; были уничтожены цивилизации инков, ацтеков, майя. В отличие от этого, на землях, присоединяемых к России, численность населения относительно масштабности этих территорий была невелика, и, как отмечает Л.Л. Рыбаковский, интересы переселяющегося в Сибирь и на Дальний Восток населения из центральных и западных районов России не вступали в противоречие с хозяйственными интересами коренных жителей, как правило, проживавших в северных местностях и занимавшихся не земледелием, а рыбным промыслом, оленеводством, охотой и т.д.

Отличие русского переселения от миграций, наблюдаемых в других странах, заключается в том, что «избытки русского населения переселялись не в чужестранные государства, а в местности, входящие в состав русской государственной территории. Русский переселенец не чувствовал себя покидающим отечество» [53]. Различие «между колонизацией и переселением состоит в том, что переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной» [5, с. 24].

Наиболее существенной предпосылкой успешной колонизации является право государства на естественные богатства страны, т.е. прежде всего на землю. Но «при заселении территорий, где проживает коренное население, проистекает необходимость примирить противоположные интересы и вести земельную политику так, чтобы не обидеть ни тех, кто хочет сохранить свою землю, ни тех, кто хочет ее приобрести» [4, с. 5–6, 10].

Другая черта колонизации территорий, захваченных западноевропейскими колониальными державами, состояла в том, что они уже изначально *становились местами ссылки*. Такая форма колонизации была присуща и России, но в меньших масштабах. Известно, что в заселении Сибири (позже Дальнего Востока) присутствовала *криминальная форма*. С конца XVI в. Сибирь становится местом ссылки. В XVII в. ссыльные появились уже на берегах реки Лена. В том же веке в составе ссыльных были уже не только политические, но и уголовные преступники. Доля ссыльных в составе русского населения Сибири в середине XVII в. составляла 11,5%, в начале XVIII в. – 8,6%. С началом заселения Приамурского края ссылка из Забайкалья перемещается в этот район. Однако ссыльных поселенцев там было немного. В целом доля ссыльных в населении азиатской России к на-

ступлению нового столетия была в 1,7 раза больше, чем доля казаков. Тем не менее, относительно основной массы переселенцев, преимущественно крестьянства, их доля была в 15–16 раз меньше [72, с. 44–45].

На Европейском Северо-Востоке отдаленный северный городок Пустозерск служил удобным местом ссылки. В 1667–1682 гг., до своей казни, здесь находились в заключении протопоп Аввакум и другие руководители раскола. В 1711 г. в Пустозерск сослали нескольких участников крестьянской войны 1707–1709 гг., в их числе Никифора Булавина – сына руководителя восставших Кондратия Булавина. Здесь отбыл ссылку и бывший фаворит правительницы Софьи князь В.В. Голицын [11, с. 7, 9].

2. Колонизация Европейского Северо-Востока

Формирование единого Русского государства, присоединение и освоение новых земель – одна из центральных проблем истории Средневековой Руси. Колонизация Русского Севера, Европейского Севера или Поморья по берегам Кубенского озера, в Белозерье, по рекам Вологде, Сухоне, Северной Двине, Онеге и другим водным артериям происходила силами новгородцев и выходцев из Ростова [48]. Вторая волна освоения этих территорий приходится на период монастырского учредительства и деятельности митрополита Алексия, преподобных Сергия Радонежского, Стефана Пермского, а также их учеников и последователей.

На Русский Север вместе с крестьянами шли монахи, которые не только искали молитвенного уединения, но и ставили перед собой задачу христианизации региона. В ходе «государственно-монастырской колонизации» возникает ряд опорных пунктов (Усть-Вымь и др.), причем «особенно активизируется монастырская колонизация» в XV–XVI вв. [1, с. 41–42].

Наличие на Европейском Северо-Востоке обширных неосвоенных территорий отличало его от большинства уездов Севера (Поморья) и других регионов России. В то время как в Центральном и Западном Поморье, например, бассейны основных рек были освоены уже в XVI в., в Коми крае земли по Печоре и верхней Вычегде стали заселяться лишь в XVI–XIX вв., и эта колонизация способствовала высоким темпам роста населения Европейского Северо-Востока [14]. Кроме того, более высокому по сравнению с Центральным, Западным и другими регионами России, где господствовало крепостное право, приросту населения содействовало отсутствие в Коми крае помещичьего гнета [22].

Наличие свободных земель и отсутствие крепостного угнетения, а также то, что Коми край находился на пути из Поморья в Сибирь, способствовало значительному притоку сюда переселенцев извне – из Центрального и Западного Поморья и центральной России. Это также отличало демографическое развитие Европейского Северо-Востока от динамики населения

указанных регионов. В то же время перечисленные черты – отсутствие помещичьего гнета, наличие обширных неосвоенных земель и значительный приток переселенцев извне – сближали Коми край по характеру развития народонаселения с соседними уездами Восточного Поморья (Мезенский, Кеврольский и Вятская земля), с Уралом и Сибирью, так как эти черты были характерны и для них [22].

Огромное воздействие на колонизационные процессы региона оказывали изменения климата. Относительно теплый период начала II тыс. н.э. способствовал притоку на Север земледельцев, а похолодание середины тысячелетия оказало обратное влияние [21; 26; 29].

Численность населения Европейского Северо-Востока возросла с 19–19,5 тыс. чел. в конце XVI в. до 125 тыс. чел. в середине XIX в. [11; 16; 23; 24; 32; 111]. Наиболее бурный рост населения происходил в тех районах, где освоение началось только в этот период. Это Ижмо-Печорский и Усть-Сысольский районы, верхняя Вычегда и верхняя Печора. В Ижмо-Печорском районе рост населения начался на нижней Печоре (Пустозерск и Усть-Цильма). С конца XVI в. **центром колонизации и округом с наивысшим приростом населения стала Ижма.** В конце XVIII–XIX вв. началась колонизация низовий Ижмы и средней Печоры, где происходил и наиболее быстрый рост населения [9; 24; 112].

На Сысоле рост населения начался в нижнесысольских волостях, колонизировавшихся во II половине XVI в. В XVII в. центр колонизационной деятельности сместился в район устья Сысолы. В XVIII в. здесь образовался новый центр внутренней колонизации, где население росло быстрее, чем в других волостях. Он включал в себя Корткеросскую и Пезмогскую волости и бассейн Локчима [13].

На верхней Вычегде вначале колонизировалась Вишера. Со II четверти XVII в. **началось освоение района Усть-Кулома.** В XVIII в. **центрами колонизации** стали самые верховья Вычегды и верхняя Печора, а также волости от Вишеры до Деревянска. В XIX в. замедлился прирост населения в верховьях Вычегды и на Вишере. Колонизация и быстрый рост населения верхней Печоры, Нёбдинской, Подъельской волостей продолжались [24].

Кроме того, в отдельные периоды в Коми крае выделялись и другие районы, где также быстро росло население: верхняя Мезень во II половине XVI в., нижняя Вымь во II половине XVII в., верхняя Луза и Летка в конце XVIII – **I половине XIX в. и территория близ Кажимских заводов во II половине XVIII и середине XIX в.** [22–24; 109; 110]

Колонизация привела к существенным изменениям в размещении населения. Если в XVI в. оно сосредоточивалось на западе и юго-западе Коми края, то к середине XIX в. были заселены верхняя Вычегда, Печора, Ижма, Мезень. Наиболее плотно заселенным стал район Усть-Сысольска – новый

центр Коми края. Прежний центр – Яренск – в значительной мере утратил свое значение, что нашло отражение в более медленном приросте населения нижневыхгодских волостей [11; 20].

Коми народ сформировался в начале XI в., тысячу лет назад [26]. В 1481 г. было проведено описание земель и населения великого княжества Московского, завершившее длительный процесс вхождения Коми края в единое Московское государство [История Коми, 2011, с. 68]. Однако вхождение в состав Московского государства не свидетельствует о начале или завершенности процесса колонизации Коми края. Процесс колонизации имеет строгие исторические *временные границы*. Началом колонизации является время присоединения новой территории, после чего наступает её заселение колонистами – выходцами из страны, которая захватила или присоединила населенные, или прежде пустующие земли к своему государству. Совсем иное дело – установление временных границ окончания процесса колонизации той или иной местности. По мнению Л.Л. Рыбаковского, границей окончания процесса колонизации является то время, когда на смену основному компоненту увеличения численности жителей осваиваемой территории – *переселению* – приходит другой компонент – *естественный прирост* населения. С этого времени начинается нормальное демографическое развитие и дальнейшее освоение данной территории [72, с. 40–42].

В Коми республике естественный прирост стал превышать механический в 1956–1960-е гг., период, когда закончилась «гулаговская экономика» [46; 113; 114]. Согласно подходу Л.Л. Рыбаковского, можно считать, что в этот период закончилась колонизация республики, поскольку в последующие годы естественный прирост был определяющим в демографической динамике населения Республики Коми [83, с. 108] (табл.1).

Таблица 1

*Прирост населения Республики Коми
по источникам формирования, 1927–2010 гг., тыс. чел.*

Годы	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
	Общий	Естественный	Механический	Естественный	Механический
1927–1938	94,5	47,1	47,4	3,9	4,0
1939–1950	89,8	21,6	68,2	1,8	5,7
1951–1955	206,2	78,1	128,1	15,6	25,6
1956–1960	181,5	99,3	82,2	19,9	16,4
1961–1965	98,2	83,2	15,0	16,7	3,0
1966–1970	30,0	54,8	-24,8	11,0	-4,9
1971–1975	87,5	56,2	31,3	11,2	6,3
1976–1980	80,6	57,1	23,5	11,4	4,7

Годы	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
	Общий	Естественный	Механический	Естественный	Механический
1981–1985	77,0	70,1	6,9	14,0	1,4
1986–1990	28,3	60,5	-32,2	12,1	-6,4
1991–1995	-107,2	-2,3	-104,9	-0,5	-21,0
1996–2000	-89,8	-11,6	-78,2	-2,3	-15,6
2001–2005	-79,9	-19,9	-60,0	-4,0	-12,0
2006–2010	-63,8	-4,5	-59,3	-0,9	-11,9

Принудительные миграции в Республике Коми. Одной из форм колонизации северных территорий стала принудительная миграция, через создание сети исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), для руководства которыми в 1930 г. было создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ). Коми край становится местом, где наиболее полно нашли применение гулаговские методы колонизации и индустриализации края. В 1921 г. политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение организовать концентрационный лагерь на р. Ухта на 10–20 тыс. чел. [31]. Лагерь появился через 8 лет, но в начале 1920-х гг. начинается история ссылки в Коми автономии неугодных власти элементов – новая эпоха формирования трудовых ресурсов через принудительную миграцию, в различных ее формах [20; 38]. В 1929 г. в Коми край поступают первые партии заключенных, которые должны были развивать угольный, нефтяной комплексы и железнодорожное строительство [38; 58; 60; 94].

Первыми «вынужденными мигрантами» в Коми область стали «раскулаченные» крестьяне. Массовая депортация крестьян на Север и Восток страны свидетельствовала о трансформации переселенческой политики государства. Сталинское руководство, отказавшись от традиционной, основанной на принципе добровольности, политики переселения и колонизации неосвоенных территорий, с весны 1930 г. перешло к спецколонизации, выразившейся в принудительном переселении различных «наказанных» властью категорий людей в периферийные, предназначенные для хозяйственного освоения, регионы. Система физического и психологического террора осуществлялась партией и секретной полицией не только против реальных врагов режима, но и против более или менее произвольно выбранных слоев населения [105, с. 22].

В Северном крае (в 1929–1936 гг. в него входили Коми АССР, Архангельская и Вологодская области) к 105 832 лагерным заключенным, отбывавшим срок в Соловецком и Северных лагерях особого назначения (по состоянию на 1 июня 1930 г.) добавилось 230 065 прибывших в регион

в феврале-апреле 1930 г. «кулаков», что суммарно составило около 13% от численности населения края [81, с. 21–22, 25–26].

Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» обязывало «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах». При этом Северному краю уделялось особое внимание как «валютному цеху страны», располагавшемуся ближе других периферийных сырьевых регионов СССР к внешнему рынку и обладателю первоклассного морского порта, откуда поступала за границу большая часть экспортируемого леса края. Таким образом, Центр, проводя раскулачивание и насильственную коллективизацию, добавил к заключенным спецпереселенцев, чтобы те и другие включились в единый процесс спецколонизации северных и восточных окраин СССР [54].

На начало 1931 г. в Коми крае было уже более 40 тыс. спецпереселенцев (кулацкая ссылка). Вторым источником пополнения трудовых ресурсов стали заключенные, их численность к лету 1930 г. достигла 23 тыс. чел. Численность собственных фабрично-заводских рабочих была незначительной: 1920 г. – 609, 1924/1925 – 404 чел. [88, с. 334], по переписи 1926 г. – 1225 чел.

Динамика движения работников подневольного труда зависела от специальных решений ГКО и Указов Президиума Верховного Совета СССР, а также директивных органов Коми АССР, неоднократно обращавшихся в ЦК ВКП(б), СНК СССР, союзные наркоматы с просьбой о дополнительных силах для реализации поставленных задач. Эти задачи были сформулированы в таких документах, как постановление Президиума ВСНХ «О развитии топливной базы в Северном крае» (20 апреля 1931 г.), развернутое постановление Совета Труда и Оборона «О развитии каменноугольной промышленности и о расширении геологических работ в бассейне Печоры» (27 марта 1932 г.).

Возросший поток лагерных заключенных привел к значительному расширению сети лагерей лесозаготовительного профиля, что объясняется меньшими затратами, необходимыми для их организации, и преобладанием в данной отрасли физического, неквалифицированного труда, не требовавшего специальной профессиональной подготовки. Для заготовки леса в Коми АССР создается Усть-Вымский лесозаготовительный лагерь. Вместе с тем исправительно-трудовые лагеря создавались и в других отраслях промышленности: Воркутинский, Северный железнодорожный, Северо-Печорский ИТЛ. Так, например, в 1938 г. на основе действовавшего Ухто-Печорского ИТЛ были созданы четыре самостоятельных лагеря, подчиненных ГУЛАГу: 1) Воркуто-Печорский ИТЛ (центр – пос. Воркута), предназначенный для сооружения шахт, добыче угля и строительству барж;

2) Ухто-Ижемский ИТЛ (центр – пос. Чибью) – разведка и добыча нефти, газа, асфальтитов и переработка радиоактивной воды; 3) Северный железнодорожный ИТЛ (центр – с. Княжпогост) – строительство железной дороги Котлас – Воркута; 4) Усть-Вымский лесозаготовительный ИТЛ (центр – с. Усть-Вымь) [60]. Лагерные центры стали основой ряда будущих городов, появившихся в социалистический период истории России, что значительно повлияло на менталитет местного населения [28; 103; 104; 106].

В ходе депортации осадников, начавшейся 10 февраля 1940 г., в Северный край было переселено 139 596 чел. Наибольшее их число оказалось в Архангельской обл. – 8 084 семей, в Вологодской обл. – 1 586, в Коми АССР – 2 191 семья. Летом 1940 г. к ним добавились 25 682 семьи (76 382 чел.) депортированных, в том числе в Архангельскую обл. – 4 584 (12 838), в Вологодскую область – 1 712 (4 965), в Коми АССР – 2 778 семей (8 985 чел.), польских беженцев. Всего за 1940 г. в Коми АССР прибыло 19 388 переселенцев – осадников и беженцев. Депортированные поляки, также как и «бывшие кулаки», оказались не только прикрепленными к определенной территории, но использовались как дешевая рабочая сила в экономике принудительного труда.

На начало 1941 г. в Коми АССР было 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249,3 тыс. заключенных, всего – 298,3 тыс. подневольных тружеников. При этом численность населения республики в 1939 г. составляла всего 320,3 тыс. чел., а занятых в народном хозяйстве – 166,4 тыс. чел., в том числе в промышленности 37,5 тыс. чел. [78, с. 389]. С учетом спецпереписи НКВД суммарная численность населения Коми АССР по переписи 1939 г. составила 450,9 тыс. чел. По данным историка В. Земскова, общая численность заключенных и спецпереселенцев на момент проведения переписи составляла в республике 146 719 чел., или 32,5% общей численности населения [62, с. 78].

По мере освобождения советской территории от немецко-фашистских оккупантов росла численность заключенных, осужденных как пособников фашистских оккупантов, шпионов и изменников родины. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. к данной категории применялась смертная казнь или осуждение к каторжным работам сроком от 15 до 20 лет. Вследствие этого в некоторых исправительно-трудовых лагерях, в том числе в Воркутинском ИТЛ, были организованы отделения каторжных работ. В 1944 г. в Воркутлаге содержалось 494, в 1945 г. – 9 036, в 1946 г. – 18 158 человек, осужденных к каторжным работам [81, с. 32].

Для военного времени было характерно свертывание лагерной системы. Если на 1 января 1941 г. в Архангельской, Вологодской областях и в Коми АССР действовали 18 исправительно-трудовых лагерей с суммарной численностью лагерных заключенных более 300 тыс. чел., то на 1 ян-

варя 1946 г. продолжали функционировать 11 ИТЛ, в которых содержалось около 162 тыс. чел. Необходимость мобилизации материальных и людских ресурсов на обеспечение нужд фронта вынудила государство отказаться от многих проектов, выполняемых лагерями. Одновременно с этим основные людские и финансово-материальные ресурсы наркомата были направлены на реализацию приоритетных проектов, в числе которых оказались Строительство № 203 (Ягринлаг), Воркутстрой, Ухтоижемлаг, Архбумлаг, строительство железнодорожной магистрали Коноша-Воркута (Севдвинлаг, Севжелдорлаг, Севпечлаг), железной дороги Воркута-Хабарово (Заполярный ИТЛ). Однако в Коми АССР продолжала функционировать обширная сеть исправительно-трудовых лагерей. В основном это были лагеря, выполнявшие работы долговременного характера: угледобыча (Воркутлаг), нефтедобыча (Ухтоижемлаг), лесозаготовки (Устьвымлаг), а также лагеря, задействованные на строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали (Севжелдорлаг, Печорлаг). Среднесписочный состав заключенных, спецпереселенцев и ссыльных в 1942 г. – 216,9 тыс. чел., 1943 г. – 118 тыс. чел., 1944 г. – 162 тыс. чел., 1945 г. – 172,6 тыс. чел. [79, с. 443].

Со второй половины 1946 г., лагерная система стала вновь разрастаться. Значительный рост численности лагерного контингента стал следствием ужесточения советской карательно-репрессивной политики. С принятием 4 июня 1947 г. двух указов «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» увеличилось не только число осужденных за кражи и хищения, но и резко возросли применяемые за данные виды преступлений сроки наказания.

Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР», в отдаленных районах страны (Колыма, Норильск, Коми АССР, Караганда и Мордовская АССР) создавалась сеть исправительно-трудовых лагерей нового типа – особых лагерей, предназначенных для содержания особо опасных преступников.

На территории Коми АССР в 1948 г. были образованы два особых лагеря: Особый лагерь № 1, получивший условное наименование «Минеральный», и Особый лагерь № 6 («Речной»). Основным производственным профилем новообразованных лагерей стала угледобыча. Уже к 1949 г. лагеря развернули свою хозяйственную деятельность в полном объеме. В 1952 г. к ним добавился лагерь № 12 («Водораздельный»), созданный для освоения лесных массивов в районе запланированного строительства железной дороги Айкино – Кослан [61]. *Появление в Коми АССР сети особых лагерей*

превратило республику в одну из самых насыщенных особым контингентом территорий страны, где в общем количестве содержащихся заключенных значительный удельный вес составляли осужденные за «контрреволюционные преступления», каторжники и «уголовно-бандитствующий элемент».

Из более чем 267 000 заключенных, отбывавших срок наказания в региональной лагерной сети (на 1 января 1953 г.), более 205 000 чел. (78%) находились в лагерях, дислоцировавшихся в Коми АССР. Однако в условиях разворачивавшейся НТР советская экономика все в большей степени нуждалась в свободном и высококвалифицированном труде. Руководство МВД и ГУЛАГа предпринимали попытки адаптировать лагерную экономику к новым хозяйственным условиям. Однако сделать это в рамках архаичной системы принудительного труда было невозможно. Труд заключенных, основанный на внеэкономическом принуждении, оказался плохо восприимчивым к техническому прогрессу и к новым формам хозяйствования [81, с. 35–36].

Данные о численности заключенных и спецконтингента можно представить в табличной форме для большей наглядности о масштабах принудительной миграции и численности лиц подневольного труда (табл. 2).

Таблица 2

*Динамика численности населения Коми АССР,
с учетом спецконтингента, 1929–1959 гг.*

Год	Численность населения, тыс. чел.	В том числе	
		Численность спецконтингента, тыс. чел.	Удельный вес спецконтингента, %
1929	237,0	2,3	1,0
1930	272,5	30,9	11,3
1931	304,5	53,3	17,5
1932	326,1	68,0	20,9
1933	303,5	42,9	14,1
1934	300,2	37,9	12,6
1935	307,2	39,7	12,9
1936	–	42,9	–
1937	315,7	51,9	16,4
1938	–	143,1	–
1939*	450,9	146,7	32,5
1940	509,4	207,0	40,6
1941	591,4	286,0	48,4
1942	493,1	200,1	40,6
1943	372,6	104,0	27,9
1944	408,2	149,7	36,7
1945	416,0	155,3	37,3

Год	Численность населения, тыс. чел.	В том числе	
		Численность спецконтингента, тыс. чел.	Удельный вес спецконтингента, %
1946	532,4	229,7	43,1
1947	572,2	250,3	43,7
1949	632,4	286,2	45,3
1950	643,7	282,9	43,9
1951	633,4	241,3	38,1
1952	691,7	268,0	38,7
1953	615,1	144,9	23,6
1955	695,6	123,4	17,7
1959	822,5	8,3	1,0

Составлено по: Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. – Сыктывкар, 2009. – 192 с. (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН); Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956. – Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. – С. 181; Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). – Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. – С. 78.

Примечание: * перепись 1939 г.

На смену принудительной миграции пришла новая форма привлечения населения в Коми край – организованный набор рабочей силы на предприятия и стройки Коми АССР (в СССР начало оргнабору было положено в 1930-е гг.). В 1956–1960 гг. наблюдался пик оргнабора. За 1956–1958 гг. по организованному набору прибыло 125 тыс. чел., из них более половины (свыше 65 тыс.) поступили на предприятия угольной промышленности и примерно одна треть – в лесные поселки (39 179 чел.). Оставшаяся часть рабочих поступила в остальные отрасли народного хозяйства Коми АССР. Лесозаготовительные предприятия за 1956–1960 гг. приняли на работу по оргнабору около 60 тыс. рабочих. В конце исследуемого периода оргнабор в таких отраслях, как нефтяная и угольная, постепенно начал уменьшаться и соответственно стала возрастать доля других форм комплектования кадров, и в частности, прием рабочих самими предприятиями. Основными районами, откуда привлекалась рабочая сила в Коми АССР, были Архангельская, Вологодская, Ярославская, Кировская и Московская области, Краснодарский край, Белорусская ССР [78, с. 497–498].

Можно заключить, что основу гулаговской экономики составляло внеэкономическое принуждение, по сути, неэффективное, но способное обеспечивать определенные результаты. Однако гулаговская экономика, позволявшая решать задачи экстенсивного развития, не смогла адаптироваться

к новым хозяйственным условиям, требовавшим интенсификации производства. Во многом этим был обусловлен кризис ГУЛАГа и его распад [81, с. 41]. Еще раз подчеркнем, что распад ГУЛАГа формально означал и завершение периода «принудительной колонизации».

3. Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми

В формировании населения Севера, Сибири, Дальнего Востока и иных окраинных территорий принимали участие все народы Российской империи, позже Союза ССР. О вкладе того или иного народа если и написано, то в небольших изданиях и опубликовано малыми тиражами. Опыт подобной работы имеется и у авторов этой публикации и других исследователей, где дается сравнительный анализ организации жизненного пространства жителей республики и Северного Кавказа [36; 42; 43; 55; 56; 70; 82; 115; 116].

Количественно оценить роль кавказских народов в колонизации Коми края или ее отсутствии в досоветский, советский и постсоветский периоды развития можно по переписям населения. Сделаем два отступления. Во-первых, Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. учитывала вероисповедание и владении языками, вопрос о национальности отсутствовал. Во-вторых, трудность анализа состоит в том, что современная территория Республики Коми в XIX в. входила в состав Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний [44]. Поэтому данные можно приводить исключительно по этим губерниям в целом, распространяя их на Коми край.

Досоветский период. Если обратиться к трудам известного этнографа Л.Н. Жеребцова и его последователей, то в опубликованных работах нет упоминания о присутствии представителей Кавказа на территории современной Коми [48; 8; 14; 25]. Скудные упоминания об «инородцах» связаны с Первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. Она показала, что представителей Кавказа на Европейском Севере практически не было. Так, в Вологодской губернии, куда входила значительная часть Коми края, проживало 176 магометан (163 мужчины и 13 женщин). Родным языком 7 человек указали армянский (4 мужчины и 3 женщины), 10 человек (4 мужчины и 6 женщин) – наречия кавказских горцев (черкесское). В Архангельской губернии насчитывалось 55 магометан (48 мужчин и 7 женщин); грузинский язык указали родным 4 человек (3 мужчины и 1 женщина), наречия кавказских горцев (черкесское) – 10 человек (7 мужчин и 3 женщины). Для сравнения на Кавказе проживали всего два человека, считавших коми-зырянский родным языком [102, с. 31].

Советский период. По Всероссийской переписи населения 1926 г. в Коми автономной области проживали: осетины – 1 человек (мужчина, сельское население, Мохченская волость Ижмо-Печорского уезда),

армяне – 2 человек (мужчина и женщина, городское население, г. Усть-Сы-
сольск) [62, с. 60]. Как видим до начала 1930-х гг. Закавказье практически не
было представлено на российском Севере. Но это и закономерно – колонизи-
руются в первую очередь территории, обладающие избытком плодородных зе-
мель. Коми край к их числу не относился, а природные ресурсы (уголь, нефть,
газ) лишь предстояло открыть и сделать пригодными для промышленной экс-
плуатации. В то же время в Закавказской СФСР проживали 18 зырян [102, с. 67].

Однако стоит отметить, что росту этнического многообразия способство-
вало то, что в конце 1920-х гг. политическая ситуация в СССР изменилась. По-
бедила линия И.В. Сталина, согласно которой «дело построения социализма»
в стране пролетарской диктатуры можно осуществить «в исторически мини-
мальные сроки». Выполнение главной хозяйственной задачи Северного края
– всемерного развития лесозаготовок и лесопиления – предопределило спе-
циализацию Коми автономной области в основном на заготовку древесины.
Решение этой задачи требовало привлечения значительного числа трудовых
мигрантов, в том числе и за счет *принудительной миграции*, с чем государство
успешно справилось [50]. Выше мы уже отмечали, что одной из форм коло-
низации, является принудительное переселение населения, в том числе ссыл-
ка заключенных. Можно предположить, что появление кавказских народов в
республике в 1930–1950-е гг. связано именно с принудительной миграцией.

Начало принудительным миграциям положил «политический тер-
рор – период репрессий правящего режима против собственного народа». За
1932–1938, 1940 гг. численность заключенных, содержавшихся в ИТЛ
НКВД СССР составила 5 842 278 чел., из них на представителей народов
Кавказа пришлось 122 854 чел. или 2,1% [73, с. 5, 238]. Вполне вероятно,
что определенная их часть была сослана непосредственно в Коми край, а
другая опосредовано. Вот что пишет по этому поводу В.И. Коротаев: «Не
повезло 1711 спецпереселенцам, прибывшим с Северного Кавказа. Их
в 1932 г. отправили в Ленский район и разместили в двух спецпоселках:
Верхне-Лупьинском и Леденгском. А 3 мая 1933 г. президиум Севкрайи-
сполкома наметил к отправке из Архангельска в Коми АО 300 человек» [54,
с. 38]. Можно предположить, что таких «актов передачи» спецпереселенцев
было значительное количество.

Выше мы уже отмечали, что только переписи населения дают инфор-
мацию о национальном составе населения. С 1926 по 1939 г. численность
народов Кавказа в Коми увеличилась с 3 до 515 чел. Десятикратное их
увеличение произошло с 1939 по 1959 г. и достигло 5310 чел. Пик числен-
ности кавказских народов пришелся на 1989 г. – 13 616 чел., или 1,1% от
численности населения республики; в последующие годы шло постоянное
их уменьшение. К 2021 г. численность кавказских народов составила 44,5%
к уровню 1989 г. (табл. 3).

Таблица 3
Представительство народов Кавказа в Республике Коми, переписи населения 1926–2021 гг., чел.

Национальность	Год									
	1926 *	1939	1959**	1970	1979	1989	2002	2010	2021	
Все национальности	207 314	318 996	806 199	964 802	1 110 361	1 250 847	1 018 674	901 189	737 853	
Русские	13 731	70 226	389 995	512 203	629 523	721 780	607 021	555 963	398 547	
Коми (зыряне)	191 245	231 301	245 074	276 178	280 798	291 542	256 464	202 348	127 089	
Народы Кавказа	3	515	5 310	4 748	8 502	13 616	13 017	10 927	6 056	
В том числе:										
Азербайджанцы	–	112	1 374	950	2 158	4 728	6 066	4 858	2 710	
Армяне	2	164	1 894	1 276	2 104	2 171	2 102	1 717	907	
Лезгины	–	12	–	179	331	930	1 198	1 406	812	
Грузины	–	62	1 328	851	1 526	1 683	896	614	295	
Ногайцы (ногаи)	–	–	–	10	26	75	53	201	222	
Чеченцы	–	58	282	125	309	537	410	311	205	
Аварцы (авары)	–	6	–	125	243	529	374	292	164	
Даргинцы	–	6	–	77	121	263	268	251	140	
Осетины	1	40	432	503	670	758	418	323	116	
Табасараны	–	–	–	13	42	95	105	116	75	
Кумыки	–	11	–	43	111	246	198	142	70	
Кабардинцы	–	8	–	156	267	348	191	128	52	
Ингуши	–	11	–	78	129	249	156	123	46	
Лакцы (лаки)	–	1	–	41	44	112	94	61	43	
Тальши	–	–	–	–	–	–	49	29	42	
Черкесы	–	–	–	31	61	108	29	39	35	
Рутульцы	–	–	–	2	–	37	52	25	30	
Адыгейцы	–	9	–	115	95	181	64	40	17	

Национальность	Год									
	1926 *	1939	1959**	1970	1979	1989	2002	2010	2021	
Карачаевцы	–	2	–	32	75	97	84	76	16	
Абхазы	–	2	–	32	48	115	45	40	12	
Абзины	–	–	–	12	15	58	33	14	10	
Балкарцы	–	4	–	12	42	149	33	21	10	
Агулы	–	–	–	–	5	25	19	28	7	
Курды	–	–	–	34	26	37	7	11	5	
Цахуры	–	–	–	3	1	6	16	15	5	
Ассирийцы	–	5	–	25	34	33	16	9	3	
Езиды	–	–	–	–	–	–	11	27	3	
Таты	–	–	–	9	13	17	5	6	3	
Евреи горские	–	–	–	14	6	24	24	4	1	
Евреи грузинские	–	–	–	–	–	2	1	0	–	
Удины	–	–	–	–	–	3	–	–	–	

Примечания: * в границах 1926 г.; ** по предварительным итогам.

Источник: Демоскоп Weekly Переписи населения [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (27.07.23); Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (27.07.23).

В целом можно заключить, что в освоении и заселении Республики Коми народы Кавказа приняли опосредованное участие. Другое дело – влияние на культурное развитие республики. Среди представителей народов Кавказа много ученых, общественных деятелей, квалифицированных специалистов и рабочих, работающих во всех отраслях народного хозяйства республики. Но об этом речь пойдет в другой, новой публикации.

*«Не существует таких весов,
на которых можно было бы взвесить негативные
и позитивные последствия колониализма
и вывести точный баланс»
В.Л. Шейнис*

Заключение

У колонизации, как и у любого массового, исторически значимого, масштабного события / явления имеются и положительные, и отрицательные стороны. Авторы не ставили своей задачей дать такую оценку, да и сделать это в небольшой по объему работе невозможно, сошлемся на научные источники, где дается оценка «колониализму и колонизации».

О пользе колонизации писал ведущий русский историк С.М. Соловьев: после принятия христианства государство начинает расширять свои владения, «занимает обширные пустынные пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно средством *колонизации*; господствующее племя славянское выводит поселения свои все далее и далее в глубь востока». С самого начала, славянские князья преимущественно заботятся о заселении пустынных пространств, о построении городов. Русскому государству, которое образовалось с помощью колонизации предстояло: «выдержать сильную борьбу, с одной стороны, с азиатскими кочевыми ордами, с другой – с передовыми отрядами, одичавшими при длительном сношении с дикарями. Вредная деятельность этого пограничного народонаселения сказалась преимущественно в начале XVII в.» [76, с. 186–187, 193–194].

Влияние колониализма на социально-экономическое развитие порабощённых стран было, по мнению современных исследователей, противоречивым. Кроме грубого нарушения естественного хода событий в странах и обществах колонизированных территорий, разрушения многих местных производительных сил, массовой гибели населения от различных причин (войны, эпидемии, захват для продажи в рабство и т.п.), колониализм разорвал замкнутость множества застойных обществ, внедрил элементы более высокоразвитой технической и экономически цивилизации, прежде всего системы хозяйствования, культуры и социальной организации общества. Современные исследования влияния колониализма показали, что европейцы основывали поселения и создавали стабильную институциональную базу в тех колонизированных странах, где были благоприятные климатические и эпидемиологические условия; на территориях, где из-за неблагоприятности этих же условий смертность была высока, колонизаторы не селились, и использовали их лишь как источник полезных ископаемых, создавая репрессивную систему управления и не развивая политические институты [6, с. 381].

Относительно советского периода можно отметить, что государство делало попытку организации добровольной колонизации, но она оказалась неэффективной, что обусловило переход от «добровольной правительственной колонизации Севера к принудительной. Причем переход неизбежный, потому что планы Центра в отношении Северного края (и других регионов) были экстремальными, невыполнимыми привычными способами, а местное население в своем большинстве отказалось быть пассионариями, готовыми к самопожертвованию ради якобы великого будущего края и страны» [54, с. 33].

Оценить результат всех форм колонизации Коми края позволяет произошедшая «эрозия» этнического состава населения и его ассимиляция [85, с. 5]. Обычно в заключительной части работы не используется табличный материал, здесь сделаем исключение. Если в 1897 г. на долю коми приходилось 80,0%, в 1959 г. – 30,1, то в 2010 г. только 23,7% (табл. 4).

Таблица 4

*Национальный состав населения Республики Коми,
1897–2010 гг., чел.*

Национальность	Годы переписей населения								
	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Все население	170 664	224 929	318 996	815 799	964 802	1 110 361	1 250 847	1 018 674	901 189
Коми (зыряне)	136 499	195 445	231 301	245 357	276 178	280 798	291 542	256 464	202 348
Русские	31 206	28 282	70 226	396 821	512 203	629 523	721 780	607 021	555 963
Украинцы	–	34	6 010	81 415	82 955	94 154	104 170	62 115	36 082
Белорусы	–	11	3 323	22 622	24 706	24 763	26 730	15 212	8 859
Татары	–	32	709	8 682	11 906	17 836	25 980	15 680	10 779
Чуваши	–	3	246	3 493	6 567	8 545	11 253	7 529	5 077
Немцы	–	15	2 617	19 805	14 647	13 339	12 866	9 246	5 441
Ненцы (самоеды)	2 780	974	974	374	369	366	376	708	503
Другие	179	133	3 536	37 230	35 271	41 034	56 136	38 999	29 251
Не указавшие национальную принадлежность	–	–	–	–	–	3	14	5 700	46 886

Публикация подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Источники и литература

1. Башнин Н.В. Монастырская колонизация и хозяйственное освоение Русского Севера в первой половине XVI в. // Российская история. 2015. № 6. С. 41–53.
2. Векшина Н.М. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.: автореф. дис. канд. философ. наук. СПб., 2014. 21 с.
3. Витязева В.А., Котырло Е.С. Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2007. 292 с.
4. Гинс Г. К. Переселение и колонизация. Вып. 2: Земельная политика в колониях. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 65 с.
5. Давидов Д.А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии // Известия Восточного института. 1911. Т. 37. Вып. 1.
6. Демографическая энциклопедия / Редкол.: А.А. Ткаченко, А.В. Аношкин, М.Б. Денисенко и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. 944 с.
7. Демографический энциклопедический словарь / Редкол.: Д.И. Валентей (гл. ред.) и др. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 608 с.
8. Жеребцов И.Л. Иноязычный этнический компонент в составе населения Коми края в XVI–XVII вв. // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 22–33.
9. Жеребцов И.Л. Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI – начале XVII вв. // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 133–147.
10. Жеребцов И.Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986. С. 119–135.
11. Жеребцов И.Л. Динамика населения Коми края в эпоху феодализма (II половина XVI – середина XIX века). Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987. 20 с.
12. Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1987. С. 67–72.
13. Жеребцов И.Л. Миграции населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. 24 с.
14. Жеребцов И.Л. Коми компонент в составе населения нижней Вычегды и Немьюги во II половине XVI – начале XVIII века // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. С. 8–15.

15. Жеребцов И.Л. Переселения карел в Коми край во II половине XVI–XVII вв. // Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Петрозаводск, 1989. С. 53–55.
16. Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. Сыктывкар, Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 54–62.
17. Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 38 с.
18. Жеребцов И.Л. Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история. 1994. № 6. С. 65–73.
19. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994. 26 с.
20. Жеребцов И.Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. 20 с.
21. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII вв. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 153–159.
22. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 258 с.
23. Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 28 с.
24. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998. 174 с.
25. Жеребцов И.Л. Русские в Коми. Взгляд сквозь тысячелетие // Жизнь национальностей. 1998. № 1–2. С. 79–87.
26. Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. 2000. № 7. С. 71–75.
27. Жеребцов И.Л. Коми – сподвижники Ермака Тимофеевича и Семена Дежнева // Невтон. 2001, № 1. (Библиотека. № S1). С. 55–60.
28. Жеребцов И.Л., Безносова Н.П. Урбанизационные процессы в Коми в первой половине 40-х гг. XX в. // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола». Сыктывкар, 2004. С. 4–22.
29. Жеребцов И.Л. Влияние изменений климата на процессы заселения Европейского Севера России. – Сыктывкар, 2007. – 32 с.
30. Жеребцов И.Л. Историческая демография – ключевое направление современных гуманитарных научных исследований // Материалы XVIII

- международного евразийского научного форума «30 лет независимости Республики Казахстан: исторический курс, веки развития и перспективы». Нур-Султан: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2021. С. 108–115.
31. Жеребцов И.Л., Жданов Л.А., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В. Создатели Коми автономии. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 128 с.
 32. Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Численность населения Коми края в XVI–XVII вв. // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984. С. 64–76.
 33. Жеребцов И.Л., Крашенинникова Ю.А. Старожильческое русское население верхней Лузы и верхней Печоры (к вопросу о формировании и фольклорных традициях локальных групп) // Социальные трансформации северного региона: исторический опыт и современность. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2021. С. 88–97.
 34. Жеребцов И.Л., Крашенинникова Ю.А., Бандура С.В. Формирование и некоторые этнокультурные традиции русских старожиловских групп Вымы, Сысолы, верхней Лузы и верхней Печоры // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2021. – № 2. – С. 6–39.
 35. Жеребцов И.Л., Лейман И.И. Создание Коми автономии как результат национальной политики большевиков // История. Журнал Белорусского государственного университета. 2021. № 4. С. 44–53.
 36. Жеребцов И.Л., Лейман И.И., Рожкин Е.Н. Белорусы в Республике Коми // История. Журнал Белорусского государственного университета. 2018. № 2. С. 82–93.
 37. Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Дёмин В.Н. В.И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997. 88 с.
 38. Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 28 с.
 39. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). – Сыктывкар, 2001. – 40 с.
 40. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). – Сыктывкар, 2005. – 374 с.
 41. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. – 2-е изд., доп. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 136 с.
 42. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Диаспоры среднеазиатских народов в России в XXI веке: новые векторы миграции // Теоретико-прикладные аспекты социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии и СНГ. Алматы: Казахская академия труда и социальных отношений, 2013. Т. 1. С. 185–189.

43. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Влияние миграции на динамику этнической структуры населения в Республике Коми во второй половине XX – начале XXI веков: мусульманизация откладывается // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии. Вып. 4. М.: Старый сад, 2014. С. 264–268.
44. Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001. 48 с.
45. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Первые коми политики. Сыктывкар: Кола, 2007. 136 с.
46. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Этнодемографические процессы в Коми в XX веке // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. 7–13.8.2000 Tartu. Tartu, 2001. Pars VII: **Dissertationes sectionum: Folkloristika & Ethnologia**. S. 491–499.
47. Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. 52 с.
48. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. 224 с.
49. Задорожный В.Н., Залевский В.А., Фаузер В.В., Республика Коми: социально-экономическое развитие. М., 2011. 150 с.
50. Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. М., 2015.
51. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. 192 с. (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН).
52. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 1.
53. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
54. Коротаев В.И. Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. 172 с. С. 61–70.
55. Лыткина Т.С. Трансформация гендерного порядка: от традиции к современности. Опыт этносоциологического анализа Северного Кавказа // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 96–125.
56. Лыткина Т.С. Трансформация семьи и домашнего хозяйства. Опыт социотнологического описания жизни табасаранцев // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 119–124.
57. Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Вытеснение на российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 94–117.

58. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 1 (84). С. 90–109.
59. Миграционный фактор в формировании этносословных групп Северного Приуралья (XVI – начало XX века). Сыктывкар, 2019.
60. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. С. 181.
61. Морозов Н.А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 гг.). Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1998.
62. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001.
63. Научный поиск продолжается. Институту языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН 25 лет. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. 110 с.
64. Обедков А.П. Образование городов как фактор русской колонизации Евразийского Севера в дореволюционный период. Сыктывкар, 2005. 16 с.
65. Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Мол. гвардия, 1981. 223 с.
66. Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть II) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 2. С. 71–79.
67. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2014. 296 с.
68. Подоптелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1999. С. 45–52.
69. Подоптелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР. Сыктывкар, 1990. 20 с. (Серия препринтов «Научные доклады»; вып. 231).
70. Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Влияние миграции на динамику этнической структуры населения в Республике Коми во 2-й пол. XX – нач. XXI вв.: мусульманизация откладывается // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 239.
71. Российский энциклопедический словарь. М., 2001.
72. Рыбаковский Л.Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 38–46.

73. Рыбаковский Л.Л. Политический террор. 1937–1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР). М.: Экон-информ, 2013. 245 с.
74. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005.
75. Сметанин А.Ф. Жеребцов И.Л. Национальные движения и национально-государственное строительство в Коми // VI World Congress for Central and East European Studies: Abstracts. 29 July – 3 August 2000. Tampere, Finland. Tampere, 2000. S. 399.
76. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. 768 с.
77. Турубанов А.Н., Игнатова Н.М., Максимова Л.А., Рогачев М.Б., Сурков Н.И., Сметанин А.Ф. Индустриальный прогресс в Коми АССР // История Коми с древнейших времен до современности. – 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Т. 2. 688 с. С. 381–398.
78. Турубанов А.Н., Игнатова Н.М., Светопольская В.О. Особенности решения проблемы кадров в индустриальных отраслях народного хозяйства Коми АССР во II половине 40-х – 50-е годы // История Коми с древнейших времен до современности. – 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Т. 2. 688 с. С. 494–506.
79. Турубанов А.Н., Митюшев Е.Е., Игнатова Н.М. Развитие основных отраслей промышленности и транспорта Коми АССР в годы войны // История Коми с древнейших времен до современности. – 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Т. 2. 688 с. С. 435–449.
80. Турубанов А.Н., Сурков Н.И., Киросова Т.А., Максимова Л.А., Сметанин А.Ф. Индустриальное развитие Коми АО в 20-е годы // История Коми с древнейших времен до современности. – 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Т. 2. 688 с. С. 330–338.
81. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929–1960 гг.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Архангельск, 2009. 44 с.
82. Фаузер В.В. Динамика численности и расселение немцев в СССР и новой России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 2 (64). С. 51–60.
83. Фаузер В.В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук: Научный журнал. Сыктывкар, 2010. С. 105–111.
84. Фаузер В.В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение. Ижевск: ООО «Принт», 2023. 308 с. (Б-ка демографа; Вып. 22).

85. Фаузер В.В. Факторы и последствия изменений этнической структуры населения Республики Коми // Human Progress. 2022. Т. 8, вып. 2. С. 13. – URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_2/Fauzer.pdf, свободный. DOI 10.34709/IM.182.13. EDN CAJCKZ
86. Фаузер В.В., Альжанова Ф.Г. Роль северности в демографической динамике: Арктика, Север, Казахстан (международные сравнения) // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2022: Сб. статей. Иркутск: ООО «Максима», 2022. Ч. 1. С. 58–66.
87. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000.
88. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демографическое развитие Республики Коми // Человек на Севере в XXI веке: горное дело, ТЭК, экология, народонаселение. Сыктывкар, 2001. Ч. 1. С. 390–397.
89. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демография сельского населения Коми края // Столетний вклад Российской академии наук в становление и развитие сельского хозяйства на Европейском Севере: перспективы использования фундаментальной науки. Сыктывкар, 1999. С. 11–12.
90. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Русские в Коми крае: тысяча лет миграций // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар, 1999. С. 36–38.
91. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.) // Российский фонд фундаментальных исследований. Региональный конкурс «Урал-2001» в Республике Коми (отчеты 2001–2003 гг.). Сыктывкар, 2004. С. 361–383.
92. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Этнодемографические процессы в Коми в XX – начале XXI века // Историческая демография. 2008. № 1. С. 77–85.
93. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 158–174.
94. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2015. № 3. С. 151–168.
95. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг.: монография / отв. ред. д-р экон. наук, профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 168 с.

96. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Население Республики Коми: от советского прошлого к арктическому будущему // ЭКО. 2021. № 9. С. 168–192. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-9-168-192.
97. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 64–79.
98. Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л. Категория столичности в культурном пространстве Коми и Европейского севера России. Сыктывкар, 2023. 44 с.
99. Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л. Кризис концепции культурных миров в эпоху эрозии глобализма (аналитический доклад). Сыктывкар, 2023. 32 с.
100. Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.В. «Русский Север» как культурный проект: историческая обусловленность понятия, интерпретации и современные культурные реалии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2001. № 9. С. 17–32.
101. Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.В. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134–153.
102. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006.
103. Bandura S., Zhrebtsov I. History of political repressions in the expositions of the National museum of the Republic of Komi // *Muzeológia a kultúrne dedičstvo. Vedecký recoenzovaný časopis*. 2/2014. S. 9–19.
104. Berdinskikh V.A., Menkovskiy V. I., Zhrebtsov I.L. GULAG: ideology and economy of forced labour in the XX century. Banská Bystrica: Bellianum, Matej Bel University, 2017. 190 p.
105. Friedrich C. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. 2d ed. / Rev. by Carl J. Friedrich / C. Friedrich, Z. Brzezinski. Cambridge, 1965.
106. Meerovich M., Menkovskiy V., Zhrebtsov I. «Socialist city»: Idea and its realization in the Soviet Union 1920's and 1930's. Banská Bystrica: Bellianum, 2019. 154 p.
107. Shabaev Yu., Zhrebtsov I. National Development and politics in the Finno-Ugric Republics of Russia // *National identities and ethnic minorities in eastern Europe*. London: Macmillan Press Ltd, 1998. P. 179–189.
108. Shabaev Yu., Zhrebtsov I., Kim Hye Jin, Kim Hyun Taek. Pomors, Pomor'e and the Russian North: A Symbolic Space in Cultural and Political Context // *Sibirica*. 2016. V. 15. Issue 2. P. 73–102.
109. Zhrebtsov I.L. Ethnodemographische Entwicklung der Komi-Syrjänen in den X. bis XX. Jahrhundert und ihre Hauptetappen // *Congressus Octavus*

- Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Jyväskylä, 1995. S. 210–211.
110. Zherebtsov I.L. Historical and demographic aspects of the Komi people // *Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu, 1996. P. 643–645.
 111. Zherebtsov I.L. Russia – demography in the North-West // *Encyclopedia of the Barents Region*. Oslo: Pax forlag AS, 2016. V. 2. P. 234–239.
 112. Zherebtsov I.L. Life conditions and social policy in the areas, inhabited by the komi-izhma people // *Third circumpolar universities cooperation conference. Abstracts*. Rovaniemi, 1992. P. 20–21.
 113. Zherebtsov I., Fauzer V. Ethnodemographische Prozesse in der Komi Region im XX. Jahrhundert // *Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum*. 7–13.8.2000 Tartu. Tartu, 2000. Pars III: Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. *Folkloristika & Ethnologia. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia & Genetica*. S. 229–230.
 114. Zherebtsov I., Rogachev M. History of the ethnic territory of the Komi people // *Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu, 1996. P. 647–652.
 115. Zherebtsov I., Rozhkin E. Central-Asian minorities in Russia in 21 century: Dynamics, structure and new areas for migration // *Acta Historica Neosoliensia. Vedecký časopis pre historické vedy*. 16/2013. Vol. 1–2. Zherebtsov I., Rozhkin E. Diasporas of the Muslim People in Russia: Dynamics, Structure and New Areas for Migration in the 20th – Beginning of the 21st Century (the Komi Republic as an Example) // *Dynamics of Central Asia: Issues and Challenges*. New Delhi – Mumbai, 2017. P. 67–76.

Фаузер Виктор Вильгельмович
Жеребцов Игорь Любомирович

**КОЛОНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ:
РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТЫ**

*Серия «Библиотека демографа»
Выпуск 23*

Оригинал-макет – Н.К.Забоева, Н.М.Журавлев

Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 2,25. Уч.-изд. л. 2,0.
Тираж 300. Заказ № 158.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.